

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT
OF HUMAN CAPITAL

«ВОЕВОДА И ВЛАСТЕЛЬ РЯЗАНСКИЕ СТРАНЫ»: РЯЗАНЬ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ
ПРОКОПИЯ ЛЯПУНОВА

DOI: 10.25629/НС.2020.01.01

Кирпичников И.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация. В годы Смутного времени на территории Рязанского уезда сложилась особая модель управления, ключевой характеристикой которой было господство воеводы и думного дворянина Прокопия Ляпунова. Причиной появления такой модели была слабость центральной власти в условиях противостояния с Лжедмитрием II: правительство Василия Шуйского не располагало ресурсами для контроля над уездом и, будучи заинтересовано в лояльности и услугах местной верхушки, вынужденно поощряло её действия. Главными чертами сложившегося в Рязанском уезде «режима» были военизированный быт, систематическая эксплуатация местного посадского населения, незаконные поборы. В своих действиях Ляпунов опирался на лояльных лиц из числа рязанских дворян и детей боярских, а также на круг родственников. Основываясь на делопроизводственных материалах первой трети XVII века, автор показывает, что установление такого режима повлекло за собой дестабилизацию отношений внутри местной элиты и привело к серии конфликтов, в результате которых многие представители рязанских дворянских родов были на продолжительное время вытеснены из Рязанского края.

Ключевые слова: Московское государство, Смутное время, Рязанский уезд, провинциальное дворянство, местное управление, воевода, Ляпунов, регионализм, Лжедмитрий II, патрон-клиентские отношения, локальная элита.

Введение

Один из ключевых вызовов, возникших перед жителями Российского царства в годы Смутного времени – необходимость самоорганизации. «Дотоле Москве – вспоминал прежние времена патриарх Гермоген, – никоторые города не указывали, а указывала Москва всем городам» [15, с. 255]. Теперь же ситуация коренным образом изменилась: окраины выступили против столичного правительства, и оно находилось на грани военной катастрофы [30; 31]. В условиях коллапса центральной власти локальные сообщества оказались предоставленными сами себе и должны были решать возникавшие проблемы своими силами. Как показали недавние исследования, уже на раннем этапе кризиса в различных уездах Московского государства стихийно возникали межсословные объединения, которые брали власть на местах в свои руки [4; 17; 27; 30, с. 439–473; 31, с. 89–96, 346–348]. Наиболее известный пример такого типа самоорганизации – Нижегородское ополчение, возникшее благодаря сотрудничеству разных социальных групп. Символами общественной консолидации стали посадский «выборный человек» Кузьма Минин и князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

Однако история Смуты знает и принципиально иную модель местного управления, лишённую всякого ореола социального компромисса и «демократичности». Она была связана с усилением воеводской власти. Яркое проявление этой тенденции можно обнаружить в Рязанском крае,

где установилось господство думного дворянина Прокопия Петровича Ляпунова. Цель настоящей статьи – на основе максимально широкого круга доступных источников очертить контуры режима управления, который существовал на Рязанщине в 1608–1610 годах.

«А как был вор в Тушине, и царя Василья Прокопий Ляпунов не слушал»¹

Думное дворянство и рязанское воеводство – необычное сочетание: думный чин предполагал придворную карьеру, однако Прокопий Ляпунов выбрал иной путь и остался в родном для него регионе [13, с. 10–77; 14; 16; 19]. Начиная с лета 1608 года Рязанский край приобрёл особое стратегическое значение для правительства Василия Шуйского, поскольку был одной из немногих частей государства, сохранявших лояльность Москве [23, с. 238]. В непосредственную сферу ответственности Ляпунова входили борьба с «тушинцами» на территории уезда и обеспечение речной доставки «хлебных запасов» в осаждённую Лжедмитрием II столицу. Однако на деле его полномочия простирались куда шире. Об особых прерогативах рязанского воеводы свидетельствуют, в частности, его активное участие в сношениях с крымскими татарами и касимовским царевичем, а также займы у купцов Строгановых царским именем [7, с. 125, 130; 9, с. 75].

Рязанский край в рассматриваемый период был ареной непрекращающегося вооружённого противостояния с повстанцами. Отношение Ляпунова к ним было бескомпромиссным: он «воевал и жёг» рязанские сёла, изменившие царю Василию [3, с. 301]. Наглядной иллюстрацией того, какими были нравы и реалии эпохи Смуты, может служить рассказ одного из «изменников»: «И как де Прокофей Ляпунов взял Печерники, и меня де велел взять к себе, и бил де меня чеканом по голове да велел кинуть к медведю. И мне де медведь ногу левою выел. И у медведя отнял де меня скоморох и пустил на волю» [18, с. 138–139].

Лейтмотивы царских посланий Ляпунову в этот период – предоставление карт-бланша в местных делах и обещания пожалований. В одной из таких грамот, отправленной в ноябре 1608 года, Ляпунов назван «истины[м] воеводой Христовым». «Работы твоей и добродетеля к нам числа нет, а по своему разуму ведаешь и сам, что правда и что неправда ... И ты б и впредь по своему разуму, как начал, так бы и совершал, как тебя Бог вразумит... А мы не токмо рады тебя жаловать – и любить всем сердцем ... А ты б всякие дела делал, смотря по тамошней мере – то есмь положили на тебе». Грамота заканчивалась уверением, что вскоре из Москвы смогут прислать больше «зелья и свинцу» [3, с. 295–301; 31, с. 179].

Однако за комплиментарными эпитетами царских посланий стояли политическая необходимость и бессилие, ярко охарактеризованные польским гетманом Станиславом Жолкевским: рязанский воевода «повиновался, когда хотел, ... и Шуйский, находясь от Самозванца в затруднительном положении, ничего ему не мог сделать» [11, с. 114]. Ляпунов рассматривался современниками как самостоятельный правитель – «воевода и властель Рязанские страны» (по выражению «Повести» князя И. М. Катырева-Ростовского [26, стб. 691, 694])². Как известно, в конце 1609 – начале 1610 годов, он даже принял деятельное участие в подготовке заговора против царя [13]. Какие последствия имела такая самостоятельность для ситуации внутри Рязани?

«Прокофьево насилие»

Когда к князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому осенью 1609 года прибыли посланцы рязанского воеводы, они вдруг «начали плакать и бить челом и поведали [про] Прокофьево житие и к себе его Прокофьево насилие» [22, с. 64]. Это сообщение «Нового летописца» раскрывается в челобитной посадских людей Переславля-Рязанского, которой дали ход только после гибели Ляпунова в лагере подмосковного ополчения.

Отсчитывая историю своих злоключений с 1606–1607 годов, челобитчики рисуют картину систематической и бесконтрольной эксплуатации городского населения воеводой и его соратниками. Речь шла не только о наборах даточных людей и лошадей для обороны края, но также «делании запасов» и работе лично на Ляпунова. «И на городе, и на остроге, и на Прокофьеве дворе кораулы кораулим зиму и лету беспрестанна в день и ночь. И дрова на Прокофьев двор секали, и кашу на Прокофьев двор варивали ... и дворы на Прокофья ставили», – сообщали жители рязанского посада [20, с. 198–201].

Всё это время, как следует из текста челобитной, в городе происходило активное строительство, которое осуществлялось именно силами посадских людей. В одном из позднейших источников сохранилось упоминание о постройке съезжей (воеводской) избы из таможенных доходов [1, с. 318]. Эти средства собирались лояльными Ляпунову приказными людьми, которые, как указывают челобитчики, «самовольным указом» установили свою ставку пошлин, в два-три раза превышавшую обычные сборы.

«По нашим дворишкам стояли резанцы дворяне и дети боярские»

На кого опирался Прокопий Ляпунов в своей деятельности? Сохранившиеся источники позволяют сделать некоторые наблюдения по данному вопросу. Прежде всего, из челобитной посадского населения следует, что рязанские дворяне и дети боярские заняли привилегированное положение: их крестьяне перестали участвовать в городском строительстве и не платили обычных податей. Поскольку поместья и вотчины служилых людей, разбросанные по уезду, оказались в руках повстанцев, дворяне и дети боярские к моменту написания жалобы уже пять лет жили («с женами и с детьми и с людьми») на дворах горожан и причиняли им «насилиство» и «обиды».

При этом страдали далеко не только посадские территории. Рязанский воевода по своему усмотрению распоряжался доходами с дворцовых земель [20, с. 199] и посягал даже на церковную собственность. Историк В. Н. Козляков обратил внимание на неопубликованное судебное дело 1623 года, в котором сообщается раздаче Ляпуновым земель «нового острога» Спасского монастыря под осадные дворы пятидесяти дворян и детей боярских. В деле фигурируют имена некоторых лиц, получивших такое жильё – М. Петрова, Л. Сумникова-Измайлова, И. Гагина, А. Ржевского [5, л. 1-9; 28, с. 3]. Данных об их деятельности в период Смуты немного, однако следует подчеркнуть, что все они были представителями рязанской дворянской верхушки. Известно, что Л. Сумников-Измайлов в 1611 находился на позиции пронского воеводы и был сменён вскоре после смерти Ляпунова [2, т. 4, с. 241]. Сотнями, которые действовали в крае для борьбы с повстанцами, также командовали выходцы из значимых родов местного дворянства: П. Таптыков, А. Сумников-Измайлов, Г. Житов, С. и П. Чевкины. Отец первого из них, А. Таптыков, являлся в этот период рязанским губным старостой [3, с. 301; 10, стб. 985-986; 20, с. 177].

Из анализа этих свидетельств вырисовывается картина, прямо противоположная той, что известна по начальной истории нижегородского ополчения. Вместо равноправного сотрудничества разных социальных сил (прежде всего, посадского и служилого населения), в Рязани установилось господство «гарнизона» дворян и детей боярских во главе с воеводой. Было бы, однако, преждевременным заключить, что вокруг Ляпунова консолидировалась вся рязанская верхушка, а он действовал исключительно в её интересах.

«А Прокофей был мне недруг»

Характерной чертой управления Рязанью в рассматриваемый период являлась «семейственность». После ранения Прокопия под Пронском его на некоторое время заменил родной брат, Захарий Ляпунов. В «посылки» от рязанского воеводы направлялись его сын Владимир и племянник Фёдор. Владимир в начале 1611 года возглавил самостоятельный рязанский отряд, действовавший в Коломне. Когда Прокопий покинул Рязанщину и отправился под Москву во главе сил ополчения, «заведовать» краем на позиции воеводы остался его двоюродный брат Меньшой Иевлевич. Наконец, ещё один двоюродный брат, Семён Иевлевич, был стрелецким головой в Переславле-Рязанском [2, т. 3, с. 293; 11, с. 114, 116; 20, с. 177; 21, с. 333; 22, с. 97; 24, с. 340; 29, вып. 3, с. 38-44].

Само по себе привлечение родственников воеводы к управлению не было необычным для Московского государства (впрочем, рязанские масштабы этого явления привлекают к себе внимание). Хорошо известно, например, что такая практика была широко распространена среди сибирских воевод XVII века [8]. Однако представители клана Ляпуновых не просто контролировали ключевые управленческие позиции, но чрезвычайно активно использовали появившиеся возможности для сведения старых счётов и обогащения.

Челобитные рязанских дворян, написанные впоследствии в попытках вернуть утраченные земли, доносят отголоски целого ряда острых конфликтов³. Один из ярких примеров – столкновение Ляпуновых с князьями Щетиниными. Как рассказывал один из представителей этого рода, «во 117-м [1608/09] году ... князя Ивана Щетинина убил Прокофей Ляпунов по недружбе. И князь Иванов брат родной ... князь Михайло Щетинин, блюдяся убивства от Прокофья Ляпунова, отъехал с Москвы в Тушино к царю Дмитрею» [2, т. 2, с. 412]. Поместьем князя Михаила Щетинина завладел племянник рязанского воеводы Борис Ляпунов, земли которого находились по соседству [2, т. 2, с. 232, 416].

«Недружба» Прокопия Ляпунова привела к бегству из Рязани Григория Кобякова с семьёй, о чём впоследствии рассказывал в челобитной его сын: «...недруг Прокофей Ляпунов ... у отца моего у Григорья животы [имущество – *И.К.*] все пограбил..., и отца моего хотел убить до смерти». Опасаясь всеильного воеводы, Кобяковы длительное время не возвращались в Рязань и «скитались на Москве». Переход в Тушинский лагерь привёл к тому, что их владения оказались в руках ещё одного племянника Прокопия – Семёна Захарьевича Ляпунова [2, т. 3, с. 483]. Схожим путем Ляпуновы поделили между собой также владения дворян Андрея и Ивана Ржевских, «перелетевших» в Тушино. Принимая во внимание этот факт, едва ли стоит удивляться тому, что при встрече в подмосковном лагере ополчения Иван Ржевский назван «великим недругом» Прокопия Ляпунова [2, т. 2, с. 231–232; 22, с. 113].

Выводы

В период Смуты в Рязанском крае сложилась особая модель управления, связанная с концентрацией власти в руках воеводы, его родственников и лояльных служилых людей. Военизированный быт, систематическая эксплуатация местного посадского населения, незаконные поборы, устранение нелояльных лиц – характерные черты этой модели. Её формирование было обусловлено длительным «автономным» существованием, когда центр не только не располагал ресурсами для наведения порядка в крае, но был зависим от местной верхушки и вынужденно поощрял её действия.

Установление такого режима повлекло за собой дестабилизацию отношений внутри местной элиты и привело к серии конфликтов, в результате которых многие представители рязанских дворянских родов были на продолжительное время вытеснены из края. Даже Григорий Измайлов, чьи родственники являлись ближайшими советниками Василия Шуйского, отправил грамоту на владение зарайским двором только во второй половине 1611 года, обосновывая это тем, что ранее городом «владел Прокофей Ляпунов; а Прокофей, государи, был мне недруг» [29, вып. 5, с. 56]. «Недружба» Прокопия Ляпунова стала смертельной угрозой для оппонентов. Его гибель летом 1611 года привела к ослаблению воеводской власти в Рязани, однако представители клана продолжали сохранять свой особый статус и после Смуты. Как отмечал один из челобитчиков в 1620-е годы, «семья Ляпуновых на Рязани великая» [12, стб. 1052].

Примечания

¹ Так в 1630 году на опыт рязанской самостоятельности ссылался мангазейский воевода (цит. по: [6, с. 91]).

² Ср. с оценкой И. Будилы, который в апреле 1609 года упомянул Прокопия Ляпунова как человека, «который владеет всей Рязанью» [25, с. 151].

³ К теме локальных конфликтов в рязанском сообществе эпохи Смутного времени впервые обратился А. О. Никитин [27, с. 163–182].

Литература

1. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. Т. 1: Разрядный Приказ, Московский стол, 1571–1634 / Под ред. Н. А. Попова. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1890. 767 с.
2. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А.В. Антонов. М.: Памятники исторической мысли, 1997–2008. Т. 1–4.

3. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. Александр Юшков. Ч. 1. М.: Унив. тип., 1898. 416 с.
4. Аракчеев В. А. Земские миры и земское движение в России в годы Смутного времени (1606–1614 годы) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 78. С. 27–34.
5. Архив СПбИИ РАН. Ф. 110. Оп. 1. Д. 66/1.
6. Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма / Сост. Дубинская Л. Г., Дубровский А. М.; Отв. ред. Левшин Б. В. М.: Наука, 1987. 220 с.
7. Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М.: Соцэкгиз, 1962. 308 с.
8. Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муницип. учеб.-метод. центр «Развивающее обучение», 1998. 203 с.
9. Горбачев П. О. Прокопий Ляпунов – русский политический и военный деятель начала XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1999. 215 с.
10. Дворцовые разряды. Т. I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1850. 1380 стб.
11. Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные Павлом Александровичем Мухановым. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1871. 306 с.
12. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшим соизволением II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Т. 1. СПб.: В типографии II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1853.
13. Козляков В. Н. Герои Смуты. М.: Молодая гвардия, 2012. 352 с.
14. Козляков В.Н. Род дворян Ляпуновых в XVI–XVII веках // Четвертые Яхонтовские чтения. Рязань, 2008. С. 368–378.
15. Козляков В. Н. Смута в России. XVII век. М.: Омега, 2007. 528 с.
16. Козляков В. Н. Спорные вопросы изучения служилого «города» в Смутное время начала XVII века и «феноменология» Прокофия Ляпунова // Российская история. 2013. № 6. С. 129–140.
17. Леонтьев Я. В. Забытое ополчение // Родина. 2005. № 11. С. 85–90.
18. Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Лжебасманов // Вопросы истории, № 10. 1974. С.135–141.
19. Назаров В. Д. Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты // Смутное время в России. Конфликт и диалог культур. СПб., 2012. С. 212–224.
20. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов / Отв. ред. Н. М. Рогожин. М.: Наука, 2003. 491 с.
21. Памятники русского права. Вып. 5. Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в. / Под ред. Л. В. Черепнина. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. 667 с.
22. Полное собрание русских летописей. Т. XIV. 1-я половина. I. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. II. Новый летописец / Под ред. С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. 154 с.
23. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 481 с.
24. Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М.: тип А.И. Мамонтова, 1869. 541 с.
25. Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб.: Археографическая комиссия, 1872.
26. Русская историческая библиотека. Т. 13. СПб.: Археографическая комиссия, 1891.

27. Селин А. А. О «народных движениях» в Новгородской земле // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века. Материалы Всероссийской научной конференции. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. С. 23–29.

28. Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П. П. Ляпунова. Сборник трудов Всероссийской научной конференции. Рязань, 11–12 апреля 2011 г. / Отв. ред. В. Н. Козляков. Рязань, 2011. 336 с.

29. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Материалы, изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910–1918. Вып. 1–9.

30. Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. 692 с.

31. Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М.: Индрик, 2005. 416 с.

Кирпичников Иван Алексеевич. AuthorID: 1003935. E-mail: ivkirs@mail.ru

Дата поступления: 12.11.2019

Дата принятия к публикации 15.01.2020

**“VEIVODE AND THE AUTHORITY OF THE REZAN COUNTRIES”: RYAZAN UNDER
MANAGEMENT OF PROKOPY LYAPUNOV**

DOI: 10.25629/HC.2020.01.01

Kirpichnikov I.A.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Moscow, Russia

Abstract. During the period of the Time of Troubles, a special model of local governance developed in Ryazan' district (uezd). Its main characteristic was the dominance of the voyevoda (governor) Prokopy Lyapunov. The reason for the emergence of such a model was the weakness of the central government in the confrontation with False Dmitry II: the government of Vasily Shuisky did not have the resources to control the county and, being interested in the loyalty and services of the local elite, was compelled to encourage its actions. The main features of the “regime” prevailing in Ryazan Uyezd were militarized life, systematic exploitation of the local posad population, and illegal requisitions. In his actions, Lyapunov relied on loyal persons from among the Ryazan nobles and children of the boyars, as well as on a circle of relatives. Based on the sources of the first third of the seventeenth century, the author shows that the establishment of such a regime led to the destabilization of relations within the local elite and led to a series of conflicts, as a result of which many representatives of the Ryazan noble families were expelled from the Ryazan Territory for a long time.

Keywords: Moscow state, Time of Troubles, Ryazan Uyezd, provincial nobility, local government, governor, Lyapunov, regionalism, False Dmitry II, patron-client relations, local elite.

Kirpichnikov Ivan Alekseevich. AuthorID: 1003935. E-mail: ivkirs@mail.ru

Date of receipt 12.11.2019

Date of acceptance 15.01.2020